

СЦЕНА

Воскресный фотосюжет
Г. Мясина

ПОДСОЛНУХАХ

Народная артистка СССР

Элина БЫСТРИЦКАЯ:

«КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК НА ЗЕМЛЕ
ИМЕЕТ СВОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ»

ДАВНО я не испытывала такого волнения, такого душевного трепета перед встречей со своим будущим собеседником. Все-таки профессия мною учит, и обычно к разговору с героем будущего материала, какой бы высокий ранг он ни занимал, отношусь по-профессиональному: деловито и спокойно. Но тут... Бог его знает, с какой невиданной силой воздействует на нас искусство, только то душевное потрясение, какое испытала я девоч-

кой от фильма «Тихий Дон», то детское восхищение перед необыкновенной, чарующей красотой доктора Елизаветы Максимовны в «Неоконченной повести», все это оказалось живо в моей душе и сегодня.

Элина Быстрицкая! Кумир девчонок не одного поколения, «звезда», занимающая на капризном актерском небосклоне не просто особое, а обособленное даже место, неизменно полная достоинства и неувядающей красоты.

Элина Авраамовна, все-таки существует загадка актерской популярности. Вы никогда не пытались разгадать ее? Фильмы с вашим участием вышли на экраны около тридцати лет назад, уже подросло третье поколение зрителей, но вы по-прежнему остаетесь популярной, любимой актрисой.

— Я думала об этом... Действительно, популярность актеру дает все-таки кино, а я — театральная актриса. В Малом театре работа уже 30 лет, а зрители знают и помнят меня по кинолентам. Может быть, телевидение «любит» прокатывать именно эти фильмы? Ведь «Неоконченная повесть», и «Тихий Дон», и «Добро-вольцы» не обижены вниманием Центрального телевидения.

— Но почему после столь успешного начала в кино вы практически порвали с ним?

— Был еще фильм «Все остается людям», еще несколько ролей. Но потом я поняла, что не вправе снижать тот уровень, который был задан в «Тихом Доне». Я долго не могла смириться с мыслью, что лучшая моя роль — Акинья — уже позади. Очень хотела сыграть Анну Каренину, подавала заявку на пробы, но меня даже не допустили до проб.

— Действительно, это ваша роль...

— Моей бы она была, если бы я ее сыграла...

— Известен, и уже, кажется, ставший хрестоматийным эпизод, как вы сами «попросились» на роль Акиньи в «Тихом Доне».

— Вы не представляете, какая невероятная сила тянула меня все время к этой женщине! Еще студенткой я пыталась играть открытки из романа — это была сцена в подсолнухах. Когда мой педагог сказал мне довольно категорично: «Это не твоя роль, забудь о ней».

Забудь об Акинье!

И вот в Париже, где я была в составе нашей делегации, я встретила знакомого артистку, мы разговорились, она и сказала мне, что Герасимов собирается снимать «Тихий Дон». Не помню, как мы доехали в Москву, не помню, где я узнала телефон режиссера. Позвонила. Трубку снял Сергей Апполинарьевич. Выслушал меня. «Приезжайте прямо сейчас. Тем более, один Григорий у меня уже сидит».

Приезжаю. Открывает мне дверь небольшого роста, худощавый человек — по рассказам я представляла Герасимова великаном! Глаза необыкновенные, пронизывающие нас взором, очень умные.

В комнате, действительно, уже сидел артист из орловского, кажется, театра. Герасимов дает нам по томику Шолохова — читайте. Я взглянула и обмерла: сцена в подсолнухах! Сразу в горле комок, в глазах — слезы, поняла, что ни за что не прочту ни строчки. Отложила книгу, извинилась. С ужасом смотрела в удивленное лицо Сергея Апполинарьевича, понимая, что рушится моя многолетняя мечта. Он пожал плечами: «Как хотите», проводил до дверей... Ох, и плакала же я. Наверное! Две недели была просто больна. А потом получила приглашение на пробы.

— Говорят, что сам Михаил Александрович Шолохов участвовал в выборе актеров?

— Да, и со слов Герасимова знаю, что, увидев мои фотопробы, он сразу сказал: «Так вот же она, Акинья».

А вообще выбор актеров в этот фильм был очень труден. Помню, как из кабинета Герасимова буквально вылетел почти упертый на роль Григория актер и долго возмущался тем, что режиссер заставил его «выйти из навоза». Сергей Апполинарьевич добивался точности во всем — и в характере, и во внешности.

— А как вы относитесь к тому, что готовится новая постановка «Тихого Дона»?

— Меня часто об этом спрашивают... Сложно отношусь. Это ведь должен быть фильм намного сильнее нашего, а иначе и братья не отойт. Но в любом случае, и желаю всем участникам крепкого здоровья, потому что это еще и колоссальный физический труд.

— Недавно «Тихий Дон» снова показали по ТВ. Ваши впечатления?

— К сожалению, я была в отъезде — в составе делегации Комитета защиты мира в США. Но по-прежнему считаю, сцена в подсолнухах получилась слабее других. А самой трудной — смерть Акиньи. Безумно тяжело давался каждый эпизод физически, но какое это было наслаждение! Герасимов требовал дублей до тех пор, пока не добивался нужного результата. Это был великий художник, который знал, чего он хочет.

— А если отвлечься от роли, что вы думаете об Акинье? Какая она женщина?

— Очень земная. Женщина, для которой любовь — единственный смысл и единственное счастье в жизни.

— Но как тогда объяснить ее связь с Листницким?

— Я тоже мучилась этим вопросом. Долго-долго обсуждала это с Герасимовым.

Мне кажется, что у Акиньи после постигнутого горя, очень тяжелого горя — потери ребенка! — была полностью парализована воля. Я сумела это понять в прифронтовых госпиталях, видела, как горе может сломать даже очень сильного, стойкого человека. И потом в сценарии был эпизод, и мы его сняли, когда Акинья в дождь, во дворе бьетса о землю и кричит: «Гриша, прости!». Пленка с этими кадрами оказалась бракованной, она не вошла в фильм.

— Вы сказали о войне, но ведь тогда вы были совсем ребенком...

— Я была подростком, и всю войну я моя младшая сестра помогали чем могли, в госпиталях, где работали родители. Поначалу мне доверяли простую работу — помыть, постирать, принести, но это была уже вполне взрослая жизнь.

— Было бы, наверное, логично тогда предположить, что ваша жизнь будет связана с медициной.

— А она и была с ней связана. Я поступила в медучилище, закончила его. Я очень любила, уважала своего отца — прекрасного врача, настоящего человека.

— И все же послушали его?

— Когда я первый раз собралась поступать в театральный институт, он поехал со мной. Пришел к директору и сказал: «Объясните, пожалуйста, моей дочери, что ей нечего у вас делать». Я от стыда не знала, куда деться! На следующий год поехала поступать уже одна.

— И что его примирило с дочерью-актрисой?

— Отец служил в Вильнюсе, когда я окончила институт. Я попросилась в Вильнюсский театр. Мне дали во втором составе главную роль в спектакле «Таня» по пьесе Арбузова. И вот я первый раз должна выйти на сцену. Родителей в театр не позвала, боялась, что их присутствие будет мешать. И вот спектакль окончен, успех несомненный, цветы, меня одну актеры выталкивают на сцену — все было впервые, необычно! И так мне стало обидно, что папа с мамой не видят этого!

Приехала домой, открываю дверь и сразу вижу, как необыкновенно возбужден отец, плачет мама — они были в театре тайком от меня. Отец тогда сказал: «Ты была права...»

— Как счастливо складывалось начало вашей актерской биографии! Первая роль — арбузовская Таня, первый фильм — и успех, а потом Малый театр!

— О Малом я тайком мечтала всегда, не смея думать, что когда-нибудь выйду на его сцену. Студенткой бегала на спектакли во время гастролей Малого театра в Киеве, тогда я видела четыре спектакля — «Варвары», «Порт-Артур», «Волки и овцы» и «Калиновая роща». Уже тогда меня просто потрясла высочайшая культура театра, удивительное актерское мастерство.

После «Тихого Дона» меня приняли в Малый театр. И начались такие странные годы... Мне долго не давали роли, говорили: «Не спеши, Малый всегда «выдерживает» актера». Но это не было временем простоя. Играла я роль в одной пьесе, а на сцене — Вера Николаевна Пашенная, Елена Николаевна Гоголева. Я стою в кулисах, смотрю на них — и мурашки по коже от восторга, от трепета!

Вообще-то, знаете, я совсем не баловень судьбы, мне все время приходилось бороться за роль, за свое право играть на сцене и в кино. Ведь моя любимейшая Глафира из пьесы «Волки и овцы» чуть не прошла мимо меня. Эту роль тогда играла блистательная Констанция Францевна Рокк, а я была во втором составе. И вот главная исполнительница заболела, а я узнаю, что Глафиру репетирует другая актриса. Пришла к руководству: как же так, зачем же меня вводили во второй состав? Пришлось тогда с этим поспешать...

— ...И Глафира стала одной из лучших ваших ролей!

— Сейчас я выступаю за то, чтобы снова поставить эту пьесу на сцене Малого, мечтаю о роли Мурашевской, кажется, могу внести в этот образ свое слово, свое понимание.

— Вот такой творческий подход к роли — тоже ведь традиция Малого театра, когда личность режиссера и личность актера существуют на равных. Не кажется ли вам, что сейчас театр терпит в какой-то мере это свое завоевание?

Мне очень трудно говорить о своем доме... То сложные противоречивые процессы, которые происходят сейчас в театральном мире, не обошли, конечно, и наш театр.

А что касается традиций, то я вспоминаю замечательного актера нашего театра Николая Афанасьевича Светлицова. Когда я репетировала Анну Петровну в «Иванове», он вдруг мне говорит: «Знаете, Элочка, она ведь любит тихих». Я перечитала заново всю пьесу — нет и намека на это. А Николай Афанасьевич настаивает: «Ну как же, помните ее фразу: «Цветы повторяются каждую весну, а радости нет»? Я опять не думала, при чем тут тихий? «А вы попробуйте изменить ударение — «цветы повторяются надкуду весну» — в этой фразе, без сомнения, есть мелодика». Видеть образ как можно глубже, шире, масштабнее — вот что такое творчество актера, если он мастер.

Поэтому я с опаской отношусь к режиссеру, который, еще не начав репетиции, говорит: «Вот только то-то, то-то и то-то не делайте». Этим он вообще убивает всякое стремление к творчеству.

Я вспоминаю, как Герасимов останавливал вдруг репетицию и звал всех из соседних комнат: «Вы только посмотрите, как они играют!». И уже вырастают крылья за спиной, и кажется, что все-все можешь!

— Вы старательно уводите разговор от внутренних проблем театра, потому что считаете, что не надо выносить сор из избы?

— Видите ли, я глубоко убеждена, что театр был, есть и должен быть храмом, что люди приходят сюда насытиться высочайшими нравственными идеями, ибо театр, если и не может исправить дурное в человеке, может осветить ему путь к лучшему, к прекрасному. А вынося на публику наши внутренние проблемы, склоки, мы наносим ей колоссальный моральный урон. Когда я говорю, что все свои роли я добывала в борьбе, это ведь тоже, в общем-то, внутреннее дело.

— Неужели и за Отраднику и «Без вины виноватые» пришлось бороться?

— Конечно! Я даже в инстанции обращалась, чтобы эту роль получить. Но первая редакция спектакля оказалась совершенно для меня неприемлемой. Я тогда даже заболела. Первоначально режиссер хотел взять за основную идею отношения матери и сына, а же настаивала, что это пьеса о судьбе актрисы, о том, из какого сплава рождается искусство. Постановку спектакля отложили, позже вернулись к ней.

— Насколько вы сейчас заняты в театре?

— В двух спектаклях — «Без вины виноватые» и «Выбор».

— Но это же страшно мало!

— Вы позволите мне не комментировать вашу реплику?

— Значит, вынужденные простоять на сцене даже известные, народных артистов?

— Тогда и начинается поиск актера в режиссуре, на радио, на телевидении. Актер, как и человек любой другой специальности, должен исполнять свою функцию, должен работать, отдавать накопленное.

— И вы поехали на эстраду?

— Да, к 40-летию Победы в Театре эстрады был поставлен спектакль «Случайный вальс» по книге Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо».

— Конечно, это не случайная тема в вашем творчестве. Мало кто знает, что среди семнадцати ваших наград пять — военных.

— Да, это был мой отчет перед теми людьми, память о которых живет во мне всю жизнь. И потом вместе со мной в спектакле были заняты студенты курса, который я веду в ГИТИСе.

— Преподавательская работа, ваша деятельность на посту председателя Федерации художественной гимнастики СССР, партийная работа в театре, в СТА — это все из потребности отдать накопленное?

— Не только. Я многому учусь сама, общаясь, например, со своими студентами, с нашими замечательными спортсменками. И притом, общественная работа — это тоже традиция актрис Малого театра.

— РАСКАЖИТЕ, пожалуйста, подробнее о вашей работе в Федерации художественной гимнастики. Думаю, это малоизвестная для наших читателей сторона вашей деятельности.

Лет примерно 13 назад меня пригласили на встречу с нашей сборной, отъезжающей на чемпионат мира. После выступления я решила зайти в пустой гимнастический зал, а ведь занималась в юности и хореографией, и гимнастикой, хотелось попробовать, сумею ли я восстановить форму. И в пустом зале я вдруг увидела девушку «на растяжках». Меня это поразило — после тяжелой тренировки она осталась в зале и продолжает работать! Я тихо вышла и сказала старшему тренеру сборной: там у вас занимается будущая чемпионка мира. Тренер несколько удивленно ответила: «Да, мы возлагаем на нее определенные надежды».

Это была юная Ирина Дерюгина. Ну а вскоре меня избрали председателем Федерации. Первый вопрос, который пришлось решать, — об участии художественной гимнастики в Спартакиаде СССР. Потом боролись за включение нашего вида спорта в олимпийскую программу. А теперь — за его уровень...

— ВЫ ВСТРЕЧАЛИСЬ и работали рядом с великими актерами, большими мастерами. Кто из них особенно повлиял на вас, актрису и человека?

— Я очень долго могу перечислять и в первую очередь назову великих артистов Малого театра. Еще Николая Константиновича Черкасова, с которым посчастливилось работать в фильме «Все остается людям»... Многих, очень многих актеров, которые кроме огромного таланта были еще и необычайно глубокими, тонко чувствующими, понимающими людьми.

Не могу не назвать незабвенного Эрас-

та Павловича Гарина. Снимался фильм «Неоконченная повесть». Эрмлера без конца дергали, проверяли — не забудьте, это был 1955 год, когда страна только-только оживала, а Эрмлер был настоящим художником, несгибаемым человеком и, конечно, в сталинские годы был в опале. Проверили, видимо, не только его, но всю съемочную группу.

Так вот однажды утром — в Ленинграде стояли белые ночи, и бредилась время было невозможно — ко мне в номер постучали. Открылся, плохо соображая спрыснул, и вижу Гарина. Это был удивительный человек, со странно-стиями, которые все прощали, личная уникальность этой личности. Он вошел ко мне с огромной охоткой ладной и говорит: «Элочка, вы прекрасная артистка, вы замечательно играете, и в знак признательности я дарю вам эти цветы». Вот такой странный разговор, и я, между прочим, спрашиваю, который теперь час. Эрат Павлович иззян так махнул рукой: «Ну, может быть, уже шесть». Представляет мое изумление!

Позже, однако, я узнала, что накануне состоялось заседание худсовета, на котором подвергся сомнению замысел фильма, и, в частности, мое в нем участие. И Гарин, опасаясь, что мне станут известны подробности заседания, и это выведет меня из душевного равновесия, поспешил предупредить конфликт столь оригинальным способом. Великий актер, который, конечно же, не реализовал большой доли своих возможностей.

— Да, стремление свести актерский талант к некоему среднему знаменателю много наделало бед в нашем искусстве.

— Вот именно! «Все должны быть одинаковыми, у всех равные возможности, и тогда мы, коллектив, все вместе навалимся и сыграем спектакль». Чувств это невыобразимая, невероятно опасная для театра!

Я когда смотрю, например, Евгения Евстигнеева на сцене, у меня душа болит, а на другого смотрю — не поет, и все... У него такие глаза, там жизнь в этих глазах, целая жизнь! Конечно, у него много сложностей, как и у всех, но он — талант, перед которым нельзя не преклоняться.

— Что вы больше всего цените в людях?

— Справедливость. Самоотверженность. — А не любите?

— Трусость.

— Вы сами разве ничего никогда не боялись?

— Боясь крыс. В детстве мама меня специально посылала в погреб, где водились крысы, чтобы я преодолела свой страх. И еще. Я как-то лежала в больнице, вышла в парк — и мне навстречу лось. Тоже страшно испугалась...

— Но это, так сказать, страх физический. Неужели у вас не было страха перед каким-то поступком, перед словами, которые страшно необходимо произнести?

— Нет, не помню. У меня, видите ли, наверное, нелегкий характер...

— Вы никогда не жалели о том, что стали актрисой?

— Никогда.

— Даже тогда, когда не давали роли?

— Даже тогда.

— Вы счастливый человек?

— Счастливый. Из тех задач, которые я ставила перед собой, я выполнила много, и не сделала лишь то, что от меня не зависело.

— Какой вопрос чаще всего задают на встречах с вами зрители?

— Всегда спрашивают о личной жизни. И я неизменно отвечаю, что с удовольствием расскажу сразу же после того, как любой из сидящих в зале выйдет на сцену и расскажет сам о своей личной жизни.

— А за границей?

— Интересуются моей зарплатой. Меня почему-то всегда смущает такой вопрос. Я говорю, что получаю достаточно.

— Какую прическу, какой стиль одежды вы предпочитаете?

— Скорее классический, строгий. И очень люблю красный цвет.

ЕЩЕ ПЕРЕД встречей с ней я решила — ни слова о красоте, ведь нет, казалось, такого журналиста или критика, который бы не преминул задать вопрос вроде: «Трудно ли быть красивой?». Но красота, как и искусство, воздействует на нас с невиданной силой и, в сущности, встречается так же редко, как и истинный талант...

Ольга БЕЛАН.

Фото Александра ЗУБКОВА и Игоря КУРАШОВА.

Очень хотелось, чтобы молодой Олег был сильнее, смелее, увереннее.

Эраст